

Н. Ф. Рождественский

**ЛЕКЦИИ ПО ЧАСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ,
СОСТАВЛЕННЫЕ АЛЕКСАНДРОМ НИКИТЕНКОВЫМ
1825 год**

«Лекции по части теоретической философии» – фрагмент курса, читавшегося в Санкт-Петербургском университете в 1825 г. Содержание курса мало чем отличается от того, что преподавалось в университетах еще в XVIII в. Достаточно сравнить его, например, с учебником Г. Н. Теплова «Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут» (СПб., 1751). Перед нами не авторский курс, а типичный образец школьной философии XVIII – начала XIX вв. Однако исторический интерес, который, несомненно, может вызвать их публикация, дополняется интересом как к преподавателю, так и к ученику, старательно фиксировавшему свои аудиторные приобретения. Читал лекции Н. Ф. Рождественский, а его усердным слушателем был А. В. Никитенко. Оба они заслуживают отдельного внимания со стороны историка философии.

Выпускник Тульской духовной академии, поступивший в 1817 г. в Педагогический институт в Петербурге и окончивший в 1823 г. в звании кандидата уже Петербургский университет (открытый в 1819 г. на основе Педагогического института), Николай Федорович Рождественский (1802–1872) только начинал свою педагогическую карьеру. Молодой преподаватель вел занятия по логике и метафизике, которые и входили в курс теоретической философии, а также по истории философии. Однако в 1831 г. Н. Ф. Рождественский был переведен адъюнктом на кафедру законов благоустройства и благочиния. С этого времени и до увольнения из университета в 1853 г. сферой его профессиональных занятий становится правоведение. Защитив в конце 1838 г. диссертацию и получив степень доктора законоведения, Н. Ф. Рождественский перешел на кафедру гражданского права. В историю университетской философии Н. Ф. Рождественский вошел как автор учебника по логике «Краткое руководство к логике, с предварительным изложением кратких педагогических сведений» (СПб., 1826), из-

дававшегося пять раз, и «Хронологической таблицы древней философии» (СПб., 1830). Лекции по теоретической философии дополняют опубликованные пособия по логике и истории философии, и вопросам логики в них также уделяется значительное место.

Ученик, записавший лекции, был ненамного моложе учителя. Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) только в 1824 г. освободился из крестьянского звания и поступил в университет, который окончил в 1828 г. С 1830 г. он начал преподавать в университете политическую экономию, но вскоре перешел на кафедру русской словесности, которую покинул в 1864 г. в звании ординарного профессора. Довелось А. В. Никитенко служить и цензором, редактировать «Журнал министерства народного просвещения», а также знаменитый «Современник». Одной из первых книг, на издание которой выдал разрешение цензор А. В. Никитенко, был курс лекций по философии, читавшийся в Петербургской духовной академии Ф. Ф. Сидонским. Книга вышла в Санкт-Петербурге в 1833 г. под заглавием «Введение в науку философии», а в следующем году ее автор Академия наук присудила полную Демидовскую премию. После восстановления по новому университетскому уставу 1863 г. преподавания философии А. В. Никитенко способствовал приглашению в Петербургский университет Ф. Ф. Сидонского. Именно профессор А. В. Никитенко составил в 1864 г. «Представление об ученых трудах Ф. Ф. Сидонского» в историко-филологический факультет и в Ученый совет университета, на основании которого Ф. Ф. Сидонскому было присвоено звание почетного доктора философии. В 1855 г. А. В. Никитенко был избран академиком. Собственные философские изыскания А. В. Никитенко были посвящены эстетическим вопросам и философии литературы. В 1836 г. он защитил докторскую диссертацию «О творящей силе в поэзии, или о поэтическом гении», в следующем году опубликовал «Речь о необходимости теоретического, или философского, исследования литературы», а в 1872 г. – «Мысли о реализме в литературе». В это же время, 1869 г., в «Журнале министерства народного просвещения» была напечатана его монография об А. И. Галиче, которая вскоре вышла отдельным изданием («Александр Иванович Галич, бывший профессор в С.-Петербургском университете». – СПб., 1869). Материалы для биографии А. И. Галича А. В. Никитенко получил от Н. Ф. Рожественского. Уже после смерти были опубликованы «Моя повесть о самом себе, чему свидетелем в жизни был» и хронологически продолжавший ее «Дневник», ставшие, пожалуй, самыми известными произведениями А. В. Никитенко. «Дневник», охватывающий более полувека и содержащий множество редких сведений, забавных на-

блюдений и запоминающихся характеристик, впоследствии несколько раз переиздавался.

Курс по теоретической философии, фрагмент которого публикуется, завершился зимой 1826 г. экзаменом. В своем дневнике под 13 января А. В. Никитенко отмечал: «Экзамен из теоретической философии. На мою долю выпало много трудных и запутанных метафизических задач. Говорят, профессор хотел отличить меня этим. Я с честью выдержал испытание и получил первые баллы»¹. Через три дня А. В. Никитенко сдавал уже экзамен по практической философии П. Д. Лодию. Судя по записям в «Дневнике», и по этому предмету А. В. Никитенко составлял подробный конспект. Помимо Н. Ф. Рождественского и П. Д. Лодия, философские дисциплины преподавали А. И. Галич и М. А. Пальмин, о которых А. В. Никитенко тепло отзывался в своем дневнике.

Рукопись «Лекций по части теоретической философии» хранится в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН (18.104/СХVI66). «Лекции...» занимают шестнадцать тетрадных страниц и представляют собой, по-видимому, не аудиторные записи, а их переписанный набело и отредактированный А. В. Никитенко вариант. В рукописи внесены и карандашные исправления, сделанные самим Н. Ф. Рождественским. Об этом говорит приписка А. В. Никитенко синим карандашом, относящаяся, вероятно, к более позднему времени: «Читал и правил Н. Ф. Рождественский, преподававший философию. Это было начало составления мною лекций по философии с 1-го курса Университета или, лучше сказать, мои рассуждения на темы, которые излагались на кафедре, большею частью по Баумейстеру. Философию эту читал Н. Ф. Рождественский; он пересматривал эту тетрадь и вычеркивал в ней места, которые казались ему слишком либеральными». Рукопись содержит лишь начало лекционного курса. Исправления Н. Ф. Рождественского представляли собой в основном вычеркивания отдельных слов, предложений и целых абзацев. Возможно, это и вынудило А. В. Никитенко не продолжать переписывать набело курс. Вычеркнутые Н. Ф. Рождественским части текста при публикации восстановлены и помещены в квадратные скобки. На полях рукописи имеются тематические обозначения разделов. Они воспроизводятся в фигурных скобках.

А. В. Малинов

¹ Никитенко А.В. Дневник в 3-х т. Т. 1. – М., 1955. С. 8.

ЛЕКЦИЯ 1

О познании человеческом, определении, методе и слоге философии

{О познании и его разделении} [Человек находится в двояком отношении ко вселенной, как существо страдательное, подчиненное общим законам оной и как существо самодействующее, познающее законы сии и из познания оных выводящее следствия; кои служат новыми законами его разума и воли, не так уже, как необходимые условия его действий; но как условия его совершенства. Мы познаем вещи или так как они есть; или ищем причины оных и доходим до первых из начал; или же чрез сравнение познаем их относительное количество и меру. Эта сфера деятельности сил наших, определяемая самою природою сих сил.] Посему:

§ 1. Познание человеческое есть тройкое: *опытное* или *историческое*, *философское* и *математическое*.

§ 2. *Историческое* или *опытное познание* есть познание вещей случившихся или случающихся. [Самим словом *опытное* определяется уже круг и достоинства сего познания. Опыт есть ничто иное, как способ действия нашего на внешний мир – следовательно познание же не простирается далее чувств наших. Оно есть, так сказать, зеркало, отражающее токмо различные видоизменения предметов без всякого отношения к причинам их и взаимной связи.]

§ 3. *Философское познание* есть познание причин вещей. Мир есть ничто иное, как цепь причин или начал одно с другим сопряженных, обнаруживающих по средством явлений, или того, что мы разумем под именем вещей и действий? Они, так сказать, составляют душу явлений, тот орган, чрез который сии последние есть именно *то, что есть, а не другое*. Посему познание причин сих есть одно определенное познание, чрез которое человек обретает Истину: ибо Истина есть ясное ведение не того, *что есть или чем бывает* вещь; но того, *чрез что она есть, или бывает.*]

Например. Саллюстий описывает заговор Катилины против Сената Римского. Я вижу с какою удобностию сей мятежник собирает толпы, готовые способствовать ему в гнусном его предприятии; вижу многих римлян, готовых убийственными руками растерзать недра Рима; вижу людей, которые будучи украшены славными именами великих своих предков, постыдно соглашаются изменить их и собственной своей чести; людей, готовых учинить величайшее беззаконие в тех самых стенах, где цари приходили повергать свое могущество пред непобедимую силою общественных добродетелей. Здесь дает мне Саллюстий познание *историческое* или *опытное*: ибо это токмо деяния, или явления политического мира; причин же их я не вижу и для меня, без чтения предварительных известий историка, было бы непонятно, почему все это так случилось, а не иначе? Но когда читая я, что победы и обстоятельства переменяли строгие республиканские добродетели римлян в гнусные пороки, что Рим сделался, по вы-

ражению одного писателя, местом, куда стекался разврат целого света, что заговор Катилины родился и зрел в недрах сего разврата; что ослабление законов и нравственности произвело удобность их нарушить и что Катилина и его сообщники потому возбудили сердца многих граждан к предприятию незаконному, что сердца сии были уже испорчены; — когда читаю я сии объяснения, показывающие мне причины, произведшие сей заговор и ему способствовавшие, тогда приобретаю я познание *философское*: ибо оно основано на познании причин происшествий.

§ 4. *Математическое познание* есть познание количества или меры вещей.

[Различать по качествам познания не только можно, но и должно. Определять же какое из них необходимо, значит делать исключение, несогласное с природою нашею. Все они равно необходимы: ибо составляют условие к достижению того совершенства, к которому предназначен человек. Опытное познание дает запас философскому, математическое определяет форму философского. Из всего вышесказанного проистекают следующие положения:]

- a) Познание историческое мы приобретаем посредством чувств.
- b) Познание историческое есть основание познания философского. Чтобы знать причины вещей надобно знать прежде самые вещи.
- c) Познание историческое есть низшая степень человеческого познания.
- d) Кто имеет философское познание, тот должен знать истинную связь вещей. Кто знает причины вещей, тот и отношения их, а потому знает и связь.

§ 5. Философствовать значит познавать причины вещей. А потому:

- a) Кто может дать причину какой-нибудь вещи, тот может о ней философствовать.
- b) Кто философствует, тот должен видеть и знать связь причин.
- c) Кто имеет навык с быстротою и честно представлять себе достаточные причины вещей, тот называется *философом*.

Примечание. [Философом нельзя назвать человека, который знает достаточные причины тех токмо вещей, кои имеют собственно к нему отношение. Вселенная есть сфера познаний его; дух его, расширяясь непрерывно, соприкосновен крайним границам бесконечного. Восходя от одного звена цепи истин к другому, он не токмо объемлет с быстротою всю цепь сию; но отражая их, так сказать, в самих видоизменениях и явлениях предметов, ему подчиненных — разумея в нравственном смысле — умеет дать им или новую форму, связь и отношение; или продлить их пребывание; или поддержать свойственный им характер. Посему:

{Определение философии} § 6. Философия есть навык понимать достаточные причины вещей (*Subjective*, как искусство, как применяемость истин) и есть совокупность истин, постигаемых умом и систематически расположенных, или наука, постигаемая одним умом, преподающим то, что нужно для умножения человеческого счастья (*objective*).

Философия Subjective или предлежательная собственно не что иное есть, как натуральное развитие разума человеческого по законам сего самого разума;

философия objective есть наука о том, по каким именно законам разума совершается или должно совершаться сие развитие и какая конечная цель оногo?

Философия не может, так сказать, создать счастья человеческого: ибо счастье должно понимать как право расположения и деятельности каждого человека, даже и не философа. Но цель философии состоит в том, чтобы распространить сие счастье, умножить сумму удовольствий, и делая их частыми, тем самым делая их постояннейшими, ощутительнейшими, и сообразнейшими с нравственною природою человека. Не в нашей воле чувствовать или не чувствовать; но от нас зависит всегда чувствовать хорошо — и сему то научает нас философия.

Примечание. Философия, как наука, будучи всегда одна и та же во внутренней своей организации, часто однако ж изменялась в своей форме. Руководствуясь известными уже началами, философы изобретали новые системы и то расширяя пределы философии, то сжимая оную в известные границы для проверки и испытания, то направляя оную с какою-нибудь другою точки зрения, порождали новые понятия, коих <...> оказываются уже в самом ее определении.] Мы упомянем определения известнейших философов. I. По мнению Платона *философия есть переход души из омраченного дня в ясный, в коем познаем то, что истинно существует (часть философии Subjective)*; или *наука о безусловном и о том, что от него зависит* (часть философии objective). Определение сие не предполагает того слишком отвлеченного идеализма, которым Платон увлекся в последствии, определяя подлинно существующими одни токмо понятия вещей. Истинно существует то, что во всякое время пребывает одним и тем же, т. е.: законы мира и верховный Разум, из коего излагается одно бытие безусловное, сущность бытия, а не явления оногo. II. По мнению Аристотеля *философия есть познание причин*. Удивительно, как схоластики могли из сего определения, столь очевидного и столь простого, коего все основание заимствуется из опыта, извлечь ту мрачную систему, которая в продолжении многих веков, будучи во вражде со всеми опытными и практическими началами, запутывала разум в собственных его сетях и форме науки, жертвовала гением ее. III. По мнению стоиков *философия есть практическая наука о верховном совершенстве человека, которое состоит в мудрости*. Практическое применение правил философии составляло у них центр, к коему относились все познания философские. *Объективное* подчинялось у них *субъективному*. Форма познания сущности оногo. Если философия сия не совершенно успокаивала разум, то успокаивала сердце и удовлетворяя благороднейшим образом естественному побуждению человека к деятельности, она тем самым поддерживала важный свой интерес. Школа сия произвела не одних умозрителей; но героев добродетели, жертвовавших ей всеми помыслами своего сердца. Жизнь их есть лучшая система философии. IV. По мнению Эпикура *философия есть стремление разума к благополучию*. Не удивительно, что последователи Эпикура сделали из философии его такое употребление, какого, вероятно он сам не предполагал. Благополучие есть такая мета, которую люди легко ставят в предлоге для выгод страстей своих. Прикрывая себя эпикуровским верховным началом благополучия,

они скоро понятия о должностях подчинили понятию о житейском благоразумии. Напрасно Эпикур полагал добродетель основанием счастья, чтобы спасти первую от бесконечного унижения: добродетель не из должности выводимая, не имеет положительной, безусловной силы – следственно не к ней применяются основания действий человеческих, но она к ним должна применяться. Философия сия, будучи в основаниях своих антиподом стоицизма, была совершенно с ним различна и в последствиях. Развивая благороднейшие стороны человеческого духа и подавляя им противные, последний доставил человечеству утешение найти на земле прямую добродетель и славу – видеть, что она обитала в людях. Из стоиков Марк Аврелий не унизил собою трона и Эпиктет украсил оковы. Эпикуреизм же был причиною того несчастья, что страсти приведены стали в систему и искусство пользоваться выгодами жизни [, не относясь к ценности оной,] соделалась основанием мудрости для многих. По мнению Цицерона: *философия есть познание причин вещей Божественных и человеческих.* [К Аристотелеву определению, что философия есть познание причин вещей, Цицерон делает дополнение: каких именно вещей? Божественных и человеческих. Что тут божественные вещи? Законы, истекающие от верховного Существа, основания Им положенные, на коих утверждается подлинность, бытие и неизблемость всего существующего – в совокупности: Дух, оживляющий все существующее – Бог. Познание сих законов, или сих оснований и первой причины, в коей все они сосредоточиваются, есть первая часть философии по мнению Цицерона – или философия *теоретическая*, поелику она основывается на простом токмо познании законов, а не на применении их к различным обстоятельствам и действиям человека. Что суть человеческие вещи? Собственно законы разума и воли человеческой. Но откуда сии законы? Всеобщие ли они законы мира, или частные законы разума и воли, следующие из характеристики их? Они и то и другое вместе: всеобщие, потому что основаны на гармоническом соединении разума и воли нашей со всею вселенною; частные, потому что собственно принадлежат к исполнению человека. По сему практическая часть философии, или познание вещей человеческих, как говорит Цицерон, не есть уже наука, но искусство, применение начал к действиям разума и воли человеческой.] VI. По мнению Вольфа: *философия есть наука о всем возможном и действительном, как и почему оно возможно и действительно.* Какое отношение имеет здесь возможное к действительному? [Если возможное есть идея бытия, следующая из верховного разума, а действительное осуществление сей идеи, то где граница, отделяющая одно от другого? И в чем состоит сия граница? В переходе ли от теории к практике, – от изобретения вещи к изобретению способов ее существования? Но это положения, относящиеся только к нам и совсем несовместные с совершенством существа верховного. Идея вещи в высочайшем творческом разуме есть уже определение оной, а определение сие есть уже самое бытие вещи. Посему возможное есть уже действительное. Иначе надлежит, или чтобы вещь не была мыслима, или когда мыслима, то должна существовать уже. Вселенная есть *все*, как произведение высочайшего, бесконечного совершенного разума; что могло быть, то есть уже в ней действительно. Возможное потому существует

только в глазах наших и есть промежуток в переходе вещи из формы нами ощущаемой в форму ощущаемую. Но если возможное принять собственно в отношении к человеку, т. е., к его разуму и свободной воле, тогда из первой части определения вольфова выйдет часть философии *Subjective*, т. е. философия определяющая, что находит человек возможным и действительным в отношении к себе; последняя же часть, как и почему оно (возможное и действительное) возможно и действительно составит философию *objective*. С сей кажется точки зрения надлежит взирать на вольфово определение философии.] VII. По мнению учеников Вольфа: *философия есть наука о достаточных причинах вещей*. Сему определению следуем и мы. Аристотель первый определял философскому познанию дать форму науке; Вольф и его последователи в изложении философских познаний строжайшим образом придерживаются математической методы и привели оные в тот систематический порядок, который есть необходимое условие всякой науки. VIII. По мнению Канта: философия есть наука разума из понятий. Сие определение объемлет круг философских познаний во всех отношениях: во-первых, что они составляют полную, отдельную науку; во-вторых, что наука сия принадлежит собственно разуму, в третьих, что положения ее заимствуются токмо [из одного *a priori* – из чистых оного понятий, для коих Кант выдумал так называемую критику чистого разума. В сей критике излагается сущность понятий, законы их и вообще все, так сказать, составные части разума.

Все сии и многие другие определения философии, о коих мы здесь не упоминаем, различаются только формами своими, сущность же во всех одна. Главные начала разума везде одни и те же, потому что для всех существуют одни законы, одни основания вещей – и сколько бы какой-нибудь философ ни желал отличиться новостию мнений, он не отличится иначе, как токмо раскрывая вечные, неизменные, для всех одинаковые истины, очищая оные, или рассматривая их с другой, лучшей, точки зрения, – в противном же случае, он будет не что иное, как софист. Никто не выдумывал своей Истины: Она самобытна, превечна, вездесуща, как самобытен, превечен, вездесущ Бог – Ее Источник. Разум человеческий не может вдруг обнять бесконечной цепи законов, началоположений, оснований, на коих стоит великолепная громада творений. Он не летит, но идет к святилищу Истины – идет к нему сквозь бурные превратности природы и веков, сражаясь на каждом шагу с преградами, которые составляют непременимое условие его деятельности и которые одни дают ему венец заслуги и торжества. Отсюда происходит, что ристалище философских подвигов неизмеримо, и что пока жив разум человеческий, всегда силы его будут в движении – не для того, чтобы разрушать найденное и на место его созидать другое: ибо истина всегда истина, но для того, чтобы в новом ряду и развитии собственных своих идей представить новые способы своей самодеятельности, усовершенствования и счастья.] Итак, не будем упрекать философию за разнообразность ее систем; философия одна: [ибо философия есть истина;] системы же суть токмо ее формы, образы, в каких она обнаруживалась в известные времена, под известными условиями, видами и ограничениями. Что же касается до злоупотреблений философии, то оно подобно туману, скрывающему на несколько мгновений лучи

солнца и от них же исчезающему, никогда не может унижить, или ниспровергнуть самой философии. Хорошая вещь не отвечает за худое ее употребление и не перестает быть хорошою в сущности своей от применения противного ее сущности. Одни умы легкомысленные ослепляются эфемерными мудрованиями софистов; люди же с здравым и твердым рассудком всегда презирали сии школьные увертки, порождаемые своемыслием и ребяческою гордостью. Искусство запутывать, или омрачать истину не предполагает возможности ее опровергнуть, или уничтожить. Сколь бы заблуждение, невежество и дерзость ни усиливались на поприще [вечных] и непреложных Ее законов – законы сии пребудут ненарушимы и великое добро, от них проистекающее всегда покроеет малое зло, порождаемое первыми.

{Метода философии} § 7. Сделав определение философии, мы приступили к правилам ее расположения и слога. Философ в изложении своих истин должен наблюдать следующий *метод*.

I. Философ, поелику философ должен основывать свои мнения на началах известных и незыблемых (аксиом); следовательно, он должен наблюдать такой порядок, чтобы сперва положить известные начала вместо фундамента, или основания и выводить из них уже другие положения. Когда в XVIII веке софисты задумали воздвигнуть нравственную анархию, то они сперва решились подорвать все коренные и основные начала, фундаментальные истины. Уничтожив, или подвергнув сомнению сии первоначальные аксиомы, следующие из природы вещей и человеческого духа, они могли уже следствиями располагать, как хотели: применить их к видам страстей своих и проч. и проч. Из сего произошел тот хаос понятий, в котором не знали на чем остановится, чему верить или не верить – род скептической язвы, умерщвляющей все, что имело положительное бытие, или положительную сущность и достоинство. Без достоверности никак не может быть ни познания, ни науки, ни действия. Все делается добычею случая и беспорядка. Посему философ, как друг [вечных] законов и порядка, должен необходимо утверждаться на коренных их началах и основаниях.

II. Философ не должен употреблять никакого термина, которому не дано определения и изъяснения.

III. Философ сначала должен употреблять такие предложения, от коих другие истины заимствуют свою силу.

Кто мысли свои и учение располагает по сим правилам, тот употребляет математическую методу, т. е. когда мы из известных и незыблемых начал выводим заключения. Сей математический метод называется *естественным*, потому что он основан на естественном ходе наших мыслей; *систематическим*, потому что все положения в оном находятся в непрерывной связи и порядке и составляют одно целое, стройное во всех своих частях; *философским*, потому что располагать вещи согласно с их законами и с взаимною их связью и отношениями значит располагать *философски*.

{Слог философии} § 8. Философия не есть произведение *воображения*, но произведение *ума*, следовательно, выражения или слог оной должно согласовать с качеством последнего, а не первого. Качества воображения: изящность, красо-

та; качества ума: ясность, твердость, определительность. Посему, должность философа состоит в том:

I. Чтобы не употреблять слов темных.

II. Чтобы каждое слово и каждый фраз имели твердое и постоянное значение.

III. Каждое украшение, препятствующее ясности не должно быть принимаемо в философском смысле.

Впрочем, как воображение и ум, хоть способности различные, но находятся в союзе, то воображение, касательно слога, может помочь уму, с тем однако ж, если последний на то согласится.

ЛЕКЦИЯ 2

О разделении и частях философии

§ 9. Разделение философии основано также на природе человеческого духа, как и происхождение и разделение познаний. Из разума истекают истины всеобщие, объемлющие все, что служит к усовершению нравственных сил человека; из свободной его воли происходит самое сие усовершение. Надобно прежде знать, а потом действовать; [прежде постигнуть законы и цель бытия свободного, чтобы оное сообразовалось с сими законами и целью своею]. Посему справедливо разделяют философию на *теоретическую* и *практическую*. Первая излагает истины необходимые знать и более относящиеся к образованию нашего ума; вторая же есть наука, излагающая правила для образования свободной нашей воли. К философии теоретической относится во 1-х физика, которая рассуждает о всеобщих законах физического или материального мира; [во 2-х *метафизика*, излагающая сущность вещей и законы мира умственного — или наука, доказывающая отвлеченные истины а рiогi]. Она состоит из четырех частей: *онтологии*, *космологии*, *психологии* и *теологии*. К практической философии относится: в 1-х *философия практическая всеобщая*, излагающая всеобщие, безусловные заповеди человека, которые истекают из устройства нравственного мира; во 2-х *право естественное*, определяющее взаимные права и отношения людей, как существ различных и свободных. *Ифика*, предлагающая средства, чрез кои человек может достигнуть возможного блага; *политика*, показывающая средства для безопасности и благосостояния целых государств.

Что же касается до логики, то она собственно не составляет части философии, но есть наука приговорительная, как к философским, так и ко всем прочим познаниям. Предмет ее состоит не в умножении каких-либо познаний, но в приведении оных в порядок и связь согласно с законами познавательной нашей силы. Потому мы, приступая к теоретической и практической философии, первоначально займемся логикою, как введением в ту и другую, дабы все наши исследования по сей части имели в себе характер того устройства и правильности, кои требуются самую природу нашего разума и без коих ни одно позна-

ние не может быть ни существенным, ни достигнуть известной степени совершенства.

Логика Введение в логику

§ 1. Всякая наука имеет свой определенный круг действий, связь с другими науками, свои источники, большую или меньшую степень достоверности в своих положениях, разделение, пользу и свою историю. Из сих понятий составляются, так сказать, запросные пункты, предлагаемые разумом каждой науке, из разрешения коих определяет он достоинство ее и место в общем здании наук. Таким образом и в логике прежде, нежели приступить к изложению самих правил оной, мы обязаны разрешить сии вопросы, дабы наука сия была ограждена со всех сторон собственными своими правилами и преимуществами.

I

Каким предметом занимается логика

§ 2. Все в природе, как одушевленное, так и неодушевленное последует законам, Богом установленным. Если все в природе подчинено известным законам, то и разум наш, рассуждая о разных предметах, должен следовать известным законам. Наука, излагающая всеобщие правила, по коим разум человеческий действует, называется *логику*. Слово *логика* происходит от греческого слова *λογος*, которое означает *смысл*.

Примеч[ание]. Логику можно сравнить с грамматикою. Первая есть наука для мыслей, а вторая для слов. Необразованный человек поступает по правилам грамматики в разговорах своих (in concreto), не зная их вообще (in abstracto), равным образом последует он в размышлениях своих законам смысла в отдельных случаях, не зная их вообще; образованный же к действию присоединяет познание всеобщих законов и правил, по коим совершает действие.

§ 3. Логика рассматривает законы нашего смысла вообще, ни мало не рассматривая того, о чем мы мыслим. Ежели мы мыслим, то должны о чем-нибудь мыслить. Предметы, о которых мы мыслим, называются *содержанием* или *материю* мыслей; а образ, или способ, как мы о сих предметах мыслим называется *законами мыслей*.

Итак, логика собственно не дает нам никакого познания о предметах, а только о действиях нашего ума. Но чем больше предметов мы себе представляем, тем больше открывается поприще для действия ума; следовательно, практическая деятельность ума зависит от количества предметов, ему представляющихся. Потому что кто желает распространить сферу своих мыслей, должен вместе стараться распространить и сферу своих познаний о предметах; или чем кто больше имеет материалов для мыслей [сверху: размышления], тем будет он обильнее сими мыслями. Посему изучение других наук, как-то физики, истории и проч., необходимо для того, чтобы действиями ума, или логике дать запас, чтобы, так сказать, осуществить сию последнюю. [Законы ума, как формы мыс-

лей требуют сущности. Они, так сказать, рамы картины; организация тела, а не само тело.]

Примечание. Поелику способы, как познает наш смысл различные предметы некоторые философы называют *формами мысли* (*formalis stientia*), то и науку об оных называют *формальною*, занимающеюся не определенным каким-либо познанием, а только общими всякому познанию принадлежностями.

II

Об отношении ее к прочим наукам

§ 4. Отношения логики к прочим наукам суть отношения законов к действиям. Всякая наука, как произведение человеческого ума есть действие оного — следственно всякая наука не иначе может родиться и существовать, как по законам сего самого ума. Поелику же логика рассуждает о законах нашего смысла вообще, то посему она и необходима для всякого познания. Через познание в правде мы можем исследовать наши знания и избегнуть заблуждения. Она есть предуготовительная наука [(*præpara advertitals*)] всех наук, каким бы предметом они не занимались, ибо все познания и науки должны быть расположены по правилам логики. Все должны быть подчинены ее законам и по оным оцениваемы.

Правда, можно мыслить и даже безошибочно, не зная логики; но коль скоро мы хотим привести познания свои в систему или оценить систему других по ее форме, то это может быть только по всеобщим законам смысла — и мы не можем хорошо расположить своих мыслей, или оценить систему других, коль скоро не имеем ясного и подробного сведения о сих законах. А потому логика необходима для всех тех, кои желают основательно учиться наукам или свои познания изложить в систему.

[Различие между законным действием ума, основанным на познании законов и законным действием машинальным, происходящим только от слепого повиновения оным столь велико, сколь велико различие между инстинктом и свободною волею. Первое только действие может быть чисто нравственным, потому что оно происходит из сознания внутренней доброты того, что признается за правило. А как всякая наука требует от человека употребления не иной силы, как токмо нравственной (разума), то следует, что ни в какой науке нельзя достигнуть возможного совершенства без ясного и точного познания законов, на коих утверждается сама сия нравственная сила или способность (разум).]

Примечание. Логика рассуждает о законах ума, а не о законах предметов подлежащих суждению ума. Она говорит только о том, каким образом мы познаем вещи; но каковы сии самые вещи, связь и отношение их с другими — это подлежит уже рассмотрению других наук. Поелику же логика не решает ни одной задачи собственно принадлежащей к теоретической или практической философии, то она и не может быть составною частью философии и называется: *Philosophia rationalis lit Afirmulis*. Она есть токмо приготовление к философии;

но в таком же отношении она находится и «к» каждой другой науке (смотри: введение в философию» Гл. II.). Другие почитают логику органом наук.

Итак, логика не имеет исключительного отношения к какой-либо науке: она равно для всех необходима. Все науки можно почесть как материалы в отношении к действиям нашего ума; логика же есть, как орудие производящее, посредством которого мы очищаем сии материалы, распределяем их по различным их отношениям и составляем из них целое. Вот круг ее действий, далее которого она не должна выступать. Многие философы в сочинениях своих о логике отступили от предмета оной потому самому, что давали ей больший объем, нежели должно. Они, например, изыскивали происхождение понятий, другие вмешивали в нее свои изыскания и наблюдения о познавательной силе, что все принадлежит собственно к философии — к науке, излагающей вообще причины вещей и действий, а не к той, которая заведывает только законами, к коим действует ум. Как все вообще законы должны быть просты, ясны, кратки и не вмешивать ничего постороннего; таковы точно должны быть и законы ума в логическом их изложении. Логика именно есть противница всякого смещения и беспорядка, происходящих от оногo; но каким образом произведет она определительность и гармонию в других науках, будучи сама запутана и наполнена тем, что к ней не относится?

ЛЕКЦИЯ 3

III

Из каких источников логика заимствует свои положения?

§ 5. [Как предметы нашего познания бывают двоякого рода: явления или действия, самые вещи — и законы их; так и способы познания сего также] двоякого рода: *опыт* и *ум*. Посему и все науки имеют собственное сему разделение. Предмет их заимствует или из *опыта* (а posteriori), например, статистика, право гражданское, уголовное и проч., или из *разума* (а priori). В первом случае они называются *опытными*, а во втором, *умственными*.

[Здесь не должно смешивать *опытность ума* и просто *опыт*. Первый есть относительное совершенство познавательной способности, происходящее от навыка упражнения; последний есть, так сказать, способ сообщения нашего с вещественным миром. Ум сам по себе есть источник истины; идеи его суть элементы всякого высшего познания человеческого — и опытность его есть токмо род некоего особенного его направления; последний же есть орудие положительное, чрез которое человек приобретает низшее познание. Потому что здесь собственно *опыт* и *ум* ставятся в параллель между собою, как два различных источника наших познаний.]

§ 6. Логика заимствует свои положения не из опыта; но из разума, следовательно, она есть наука умственная.

Примечание. Положения, истекающие из самого существа какой-нибудь вещи суть законы оной. Если она [отступает с умом от сих законов, то про-

тиворечит самой себе. В одной нравственной природе возможны такие отступления: ибо всякое отступление от законов предполагает мысль или желание от них освободиться и какое-нибудь намерение и волю произвести сии действия. В физической же природе отступление от законов есть только кажущееся; в существе же своем она есть высшее последование оным, обнаруживающееся только в новой для нас форме или в новом действии]. Законы размышления, о коих рассуждает логика принадлежат природе нашего смысла, а потому с умыслом ничто не может нарушить или преступить оные, если не хочет противоречить самому себе. И даже кто нарушает оные и тот думает, что он им последует.

Итак, источник логических положений не заключается в каких-либо отдельных изысканиях, наблюдениях или познаниях ума; но в самой природе оно-го.

Правила логики не иначе могут быть пополняемы или объясняемы, как обновляться на сем начале, составляющем единственный источник логических положений.

IV

Как верны ее положения

§ 7. Не все познания имеют одинаковую степень подлинности или верности. Положения математические имеют высшую степень подлинности.

Достоверность какой-либо науки зависит от большей или меньшей очевидности истин, в ней заключающихся.

[В отношении к достоверности науки можно разделить на два главные рода, а именно: на *безусловные* и *условные*. Первые суть те, кои заимствуют свои начала из вечных и непреложных законов природы вещей — начала равно для всякого убедительные, необходимые, одним словом, начала *absolutum* (математика, право естественное). Условные суть те, коих положения бывают достоверны при известных только обстоятельствах и отношениях и кои, следовательно, могут изменяться не только в форме своей, но и в самой сущности и потому допускать различные толки, мнения и системы (метафизика, практическая философия и проч.).]

§ 8. Поскольку же логика заимствует свои положения *ex natura mentis humani*, т. е. из природы человеческого духа, то сии положения должны быть всеобщие; ибо разум, который бы мыслил по другим законам не был бы разумом человеческим. Сии положения должны быть также необходимые: ибо уклонение от сих законов уничтожило бы правильное действие ума. А потому логика должна приводить строгие доказательства для истины своих положений и в преподавании оной не должны встречаться: *это может быть, это вероятно, это бывает* и проч.

[Итак, логика есть одна из тех наук, коей положения должны иметь безусловную достоверность и годность всеобщую. Надлежало бы, чтобы ум наш имел другую природу, если бы захотел он мыслить по другим основаниям, а не по

тем, какие в ней предлагаются. Сим самим достаточно утверждаются достоверность и незыблемость ее положений.]

V

Как разделяется логика

§ 9. Все почти философы разделяют логику на 2 главные части; но частям сим дают различные наименования и определения. Впрочем, логика, как наука, излагающая законы ума, кажется, не должна иметь одного разделения, как только по различным свойствам или действиям самого ума. Особенности части ее, заключающие в себе применение ее правил к самим действиям (практическая логика) едва ли может иметь в ней место. Употребление логических законов есть уже применение оных – и в каких же обстоятельствах можно обойтись без сего употребления? Так как, например, политическая экономия излагает законы, по коим обогащается государство, тем самым уже способствует его обогащению; так и логика, излагая правила, по коим должен поступать наш ум для достижения во всем истинного и правильного познания тем самым уже способствует сему достижению.

Мы должны однако ж упомянуть здесь о различных разделениях логики и сообразоваться с тем из них, которое простое и сообразнее (слово очерчено прямоугольником. – А. М.) ближе к самому существу предмета.

В I-х, разделяют логику на *естественную* и *искусственную*. Естественная логика (*Lohica Naturalis*) есть навык всегда правильно последовать законам смысла и судить здраво. Ей противопоставляется искусственная логика (*Lohica Artificialis*), излагающая правила нашего смысла в отвлеченности и систематически.

Ни один человек не знает от природы логики, или другой какой науки: ибо логика есть наука, с наукою же никто не родится, а должен выучиться ей или сам составить оную. А потому разделение логики на естественную и искусственную не основательно. Да и к чему здравый смысл называть логикою?

Во II-х, иные логику разделяют на *чистую* и *прикладную*. В первой излагаются законы нашего смысла вообще; во второй же исследуются ограничения нашего ума, т. е. как чувства, воображение, страсти препятствуют нашему мышлению, и как мы можем исследовать сих препятствий. Следовательно, сия прикладная логика есть собственно психология, в коей рассматривается каким образом наши познания могут достигнуть возможного совершенства. И сие разделение (оно заимствовано от Канта) не правильно: ибо для чего говорить в логике о том, что должно быть трактовано в психологии? Для чего смешивать одну науку с другою?

В III-х, разделяют логику на *теоретическую* и *практическую*. Первая излагает законы смысла; вторая по сим же законам учит исследовать истину и располагать свои мысли правильным образом.

Примечание. Каждая наука есть практическая (или, так сказать, осуществленная логика). Все ее правила каждую минуту применяются: ибо мы всегда мыслим по сим правилам.

В IV-х, еще логику разделяют на *простонародную* и *схоластическую*. Первая есть та, которая так изложена, что даже простой человек понять ее может. Вторая же излагает всеобщие законы *in abstracto* в отвлеченности. Удобопонятность достигается тем, что отвлеченные предложения объясняются частными случаями.

Разделение сие пахнет схоластизмом. К чему такое разделение, в коем ум как бы отеляется от самого себя и составляет другой ум? Законы для него во всех отношениях и изменениях одинаковы и всеобщи. Удобопонятность же изложения их сама собою происходит от необходимости их исполнять. Разве новые какие-нибудь схоластики примут на себя труд сделать ее не понятною. Ежели первая заключает в себе все, что нужно к уразумению сих законов, то вторая бесполезна и наоборот. То, что простой человек поймет, без сомнения поймет и образованный [; но что понимает образованный, а простой нет, то может ли быть всеобщим законом? И логика, которая рассматривает человека просто, как разумное существо, а не как ученого, профессора, доктора философии и проч., должна ли заключать в себе мистерии, открываемые только посвященным в таинства оных? Логика есть, так сказать, естественное право ума — и потому для всех имеет одинаковую годность. Она не о том рассуждает, какие законы всеобщие и какие из них должны применяться собственно к человеку: она просто излагает законы нашего смысла и не учит нас судить из его <...>, но судить правильно, т. е. согласно с природою сего самого смысла. Может быть со временем какие-нибудь многоученые немцы и выдумают риторичу разума, как есть риторика слова; теперь же мы будем пока довольны тем, чтобы представлять мысли свои в простом, естественном, *человеческом* порядке и прийдем за годное для себя то, что уже давно годится для всех людей. Вообще то, что предлагается для безусловного исполнения человека, что истекает из самой его природы побуждает его действовать именно так, а не иначе — должно предполагаться во всей своей естественности и простоте. В сем случае ничего не должно выдумывать и долг философа здесь состоит в том только, чтобы разбить, так сказать, скорлупу и вынуть из нее плод, не подслащивая его, не стараясь улучшать того, что само по себе хорошо.] Желательно, чтобы логика была совершенно очищена от всех невразумительных формул, неудобных разделений и темноты, которые ее обременяют и делают непонятною для большей части людей, не могущих или нежелающих посвятить себя навсегда наукам; чтобы она была представлена [в некотором] виде [Катехизиса], для всех удобопонятного. Тогда разум каждого мог бы принять ту основательность, твердость и определенность, без коих нельзя избежать ложных о вещах понятий и софистических соблазнов.

1825 года марта 16-го числа